Федосик В.А. Античность в средневековом восприятии старобелорусский перевод "Алесандрии"/ В.А. Федосик // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск :БГУ, 2012. С. 219-228.

В. А. Федосик

АНТИЧНОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСПРИЯТИИ: СТАРОБЕЛОРУССКИЙ ПЕРЕВОД «АЛЕКСАНДРИИ»

В своем предисловии «Во всю Библию рускаго языка» великий белорусский просветитель Франциск Скорина счел необходимым указать читателям: «Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти книги Судей, или Махавеев, более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии или во Тройи» [1, с. 11]. Это чрезвычайно редкое упоминание произведений светской литературы, которые, разумеется, читал и сам Ф. Скорина. Конечно, издаваемый им текст Библии не место для авторской полемики с литературными вкусами современников, и все-таки восточнославянский первопечатник отважился на довольно резкую негативную оценку двух сочинений исторического жанра — «Александрии» и «Трои». Очевидно, с одной стороны, это было обусловлено их значительной популярностью среди современников Скорины, с другой, стремлением просветителя указать на низкую достоверность изложения исторических событий в этих произведениях. Причем те библейские книги с историческими сюжетами, которые советует читать Ф. Скорина, отнюдь не о взятии греками Трои и не о жизни и походах Александра Македонского. «Книга судей Израилевых» повествует о становлении древнеизраильского государства, а книги Маккавейские (коих в православной Библии больше, чем в католической) строго хронологически излагают события национально-освободительного восстания 167—142 гг. до н. э. во главе с братьями Маккавеями, завершившегося обретением независимости Иудеи от Селевкидов. Вполне вероятно, что Ф. Скорину особенно возмутила именно недостоверность изложения событий античной истории в адаптированных для средневекового читателя переводах двух созданных еще в конце античности приключенческих «историй» о падении Трои и жизни Александра Македонского. Сам белорусский первопечатник был весьма эрудирован в античной истории, о чем свидетельствуют, в частности, его пояснения по античной географии и истории, особенно к посланиям апостола Павла.

Если в краткой по объему «Трое» искажение данных первоначальных источников, использованных при создании позднеантичной компиляции, объяснялось в большинстве эпизодов «адаптацией» античных сюжетов для мировосприятия и ментальности человека средневекового европейского общества (чему посвящен ряд предыдущих публикаций [2, с. 8—15; 3, с. 129—145]), то содержание «Александрии» может вызвать шок у любого, даже едва знакомого с античной историей читателя. Здесь реальные события истории не просто принесены в жертву захватывающему приключенческому сюжету: неизвестный автор и его позднейшие переводчики и переписчики добавили от себя такие события, которых вообще не было и быть не могло. Так, полководческие деяния Македонского начинают излагаться не с битвы при Херонее, где 18-летний Александр командовал под началом своего отца Филиппа

Федосик Виктор Анатольевич — заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

конницей на одном из флангов македонской фаланги и сыграл важную роль в решающей победе над антимакедонской коалицией греков. В «Алексадрии» за его первый успех выдается победа над неким «Миколаем», «царем» некоего города со странным названием «Пелепонт». Этот «Миколай» оскорбил юного Александра, употребив слово «сченя» и плюнув на сына македонского царя. Царевич, вернувшись к отцу, собрал войско и двинулся на обидчика. В битве Александр отрубил голову царю «Пелепонта». Автор «Александрии» выдает эту фиктивную битву за «великое звитежство» [4, с. 40—41]. Следующее деяние и вовсе невероятное, ибо «в той час поведано цареви Филипови, иж Армения против ему се бурлила, которая ему была поддана», и царь «зготовавши войско, послал там Александра, абы воевал з ними а ижбы под свое панство подбил». Именно во время этого похода, по мнению автора «Александрии», и был убит заговорщиком «Павсоном» Филипп. Александр же вернулся в Македонию позже, «звитяживши армены» [4, с. 42]. Разумеется, никакого похода в Армению не было, автор явно очень плохо ориентировался даже в географии, не представляя, каким путем и через территорию какого государства туда можно было добраться.

Далее — еще более фантастическая «история». В свой первый самостоятельный крупный поход Александр отправляется на ... Рим! По тексту «Алексадрии» сын покойного Филиппа достигает мест, где никогда не был за всю свою жизнь, приплыв по морю в Италию («до Влохъ»), «абы там ускромил пыху римляном» [4, с. 43]. Испуганные «римские райцы», «згромадивши людъ», выплатили ему дань в «шестдесят тисеч фунтовъ золота и сто золотых корон». Удовлетворенный Александр не стал брать Рим и отбыл «аж до моря Заходнего — до краины, которую зовут Европиею» [4, с. 44]. Из этой никому неизвестной страны македонский завоеватель морем прибыл в Африку, «в которой мало нашел своволныхъ, бо се ему доброволне поддавали» [4, с. 44]. После этого Александр, на деле никогда не бывший ни в Риме, ни в Африке к западу от Египта, принял верховную власть в Египте, где получил пророчество о смерти от яда от бога Сераписа, коего и быть не могло, ибо представление об этом божестве появилось только в эллинистическом птолемеевском Египте (синкретизм представлений о Зевсе, Осирисе, Аписе). И только покорив вслед за этим Сирию и Палестину, Александр приступил к войне с персидским царем Дарием, словно ни Египет, ни Сирия, ни Палестина не являлись частями огромной Персидской державы [4, с. 44—52]. Выступив из Иерусалима, чтобы принять капитуляцию соседних городов, Александр начинает обмен посланиями с Дарием, но откладывает войну с царем Персии, сославшись на необходимость проведать заболевшую мать в Македонии. Он с войском громит Дариева «князя» в Аравии, затем покоряет Киликию, преодолевает горы Тавр (автор снова демонстрирует незнание географии), появляется в «Азии», где покоряет Фригию, а после этого берет Персеполь. Маршрут Алекасандра в «Александрии» абсолютно обратный реальному наступлению македонского царя в начале его войны с Персией. Впрочем, автору явно не известно, что Персеполь был одной из столиц Персидской державы [4, с. 48—53].

Затем анонимный автор словно обращает вспять не только пространство, но и время. Александр, не возвратившийся на родину после начала своего персидского похода даже в гробу, в «Александрии» навещает свою уже выздоровевшую мать Олимпиаду и начинает борьбу с взбунтовавшимися греками. Он подавляет мятеж в Фивах (на деле взбунтовавшихся вскоре после провозглашения 20-летнего Александра царем Македонии) и принимает от афинян «корону золотую, которая важила полтораста фунтов» в знак признания его власти над Афинами (и такое афиняне сделали по совету «Демостена-мудрьца»!) [4, с. 54—57]. В реальности Фивы были стерты с лица земли еще до персидского похода Александра — часть греческих полисов, вынужденных признать нового царя Македонии «гегемоном эллинов» (каковым являлся Филипп по решениям всегреческого Коринфского конгресса), в 335 г. до н. э. восстала после слуха о гибели Александра в войне с иллирийцами (инициатором слуха был Демосфен, еще ранее обозвавший юного Александра «дурачком») [5, с. 200; 6, с. 66—72].

Подобного рода абсолютно ложной информации в «Александрии» содержится множество. Особенно фантастично «описывается» поход Александра в Индию: невиданные человекоподобные существа, птица Феникс, несуществующие животные и т. д. Конечно, с точки зрения изучения мифологии, фольклора, литературных сюжетов этот материал представляет определенную ценность, но стоит ли историку использовать насквозь лживую в подаче исторических событий «Александрию» в качестве первоисточника?

И все же ответ представляется утвердительным. Однако «Александрия» является источником отнюдь не для реконструкции событий античной истории — либо они сфальсифицированы, либо нелепейшим образом перемешан порядок реально произошедших событий. Но ценность «Александрии» заключается с том, что в ней отражено восприятие деяний Александра людьми разных исторических эпох. Это одно из немногих произведений, созданных в поздней античности с использованием (причем своеобразным) источников эпохи эллинизма, а затем ставшее популярным в Средние века (и не только в Европе), будучи многократно переведенным и подвергшимся переработкам множеством средневековых переписчиков. Это был и источник знаний об Античности для людей Средневековья, хотя в абсолютном большинстве знаний ложных. Деятели Возрождения вскрыли недостоверность этих знаний, отсюда и вытекала их острая критика неисторичности «Александрии», в том числе и Ф. Скориной. Но для современного историка чрезвычайно важно в данном случае то, что относится к сфере ментальности, а именно, почему люди Средневековья воспринимали античную историю так, как она изложена в «Александрии», почему и каким образом «переделывались» сюжеты с тем, чтобы стать понятными и захватывающими для средневековых читателей. При этом материал этого произведения важен и тем, что мы можем проследить восприятие завоеваний Александра Македонского (по сути, тогдашнее столкновение двух миров: Запада и Востока с их двумя кардинально отличными друг от друга типами отношений между людьми в обществах) во времена эллинизма, поздней Античности, Средневековья. То есть проследить восприятие сюжетов «Александрии» сквозь призму ментальности иных, чем мы, людей далеких эпох. Такие возможности дает, в частности, старобелорусский перевод этого произведения, позволяющий заглянуть и в ментальность белорусов Средневековья.

В основе средневековых версий «Александрии» (или «Романа об Александре» — названия бывали разные) находится древнегреческий текст (оригинал не сохранился), созданный в египетской Александрии анонимным автором, скрывшимся за именем Каллисфена, приблизительно в III—II вв. до н. э., хотя некоторые исследователи говорят о его создании в римский период (вплоть до III в. н. э.) [7, с. 10; 8, p. 17; 9, p. 1—2]. Каллисфен, внучатый племянник Аристотеля, историограф Александра Македонского, не мог быть автором, ибо не мог описать поход в Индию (которому посвящена большая часть «Александрии»): еще до похода он был заключен в оковы за отказ преклоняться «по-варварски» перед царем и казнен в начале индийского похода [6, с. 234—235]. Впрочем, в ряде рукописей за авторов выдаются Эзоп [10] и Арриан, в том числе и в рассматриваемой нами версии в старобелорусском переводе. Причем и это «авторство» обосновывается весьма недостоверно: «Авторъ тоеи повести Александровы, именем Ариян, ученикъ был Епиктита-философа за часов Нерона, цесаря римского, который, подобно, також перекладал з повестей з иншихъ, абовемъ было уже по летах многих» [4, с. 112]. Нерон, как известно, погиб в результате заговора в июне 68 г. н. э., Эпиктету на тот момент едва исполнилось 18 лет, а Арриану (действительно ученику уже престарелого Эпиктета) только еще предстояло родиться через 27 лет. Но главное даже не это — содержание «Александрии» имеет исключительно мало общего с «Анабасисом Александра» римского историка Арриана, написавшего свой труд во II в. н. э. Сочинение Арриана, наряду с «Историей Александра Македонского» другого римского историка Курция Руфа, являются основными из дошедших до нас античными источниками о жизни и деятельности Александра Македонского. К ним по важности примыкают биография Александра, напи-

санная Плутархом, и мало еще оцененный его же трактат «О счастье и доблести Александра» (так весьма аргументированно перевел с древнегреческого название этого трактата его переводчик на польский язык профессор Вроцлавского университета К. Навотка [11, s. 9—12]). Ряд антиковедов ведут серьезные исследования и дискуссии об источниках сочинения «псевдо-Каллисфена» об Александре. Отчасти это сводится к выяснению не дошедших до нас источников, использованных Аррианом, Курцием Руфом, Плутархом (эти связи довольно четко очертил еще Ф. Шахермайр [6, с. 93—99]). И здесь хотелось бы обратить внимание на несохранившийся труд участника похода Александра в Индию Онесикрита, где было немало вымысла об Индии. Вместе с тем серьезная работа ведется и по реконструкции первоначального текста труда «псевдо-Каллисфена». Ведь древнейшие из сохранившихся манускриптов этого сочинения (парижские) относятся к III в. н. э. (их принято обозначать латинскими буквами A, B, C) [8, p. 17; 9, p. 2—3]. Они на древнегреческом языке, и к этим текстам следует обращаться для выявления ряда средневековых «переделок». В целом же следует признать правоту Элизабет Арчибалд, что сочинение «псевдо-Каллисфена» «фактически не работа одного автора, а гибрид истории и легенды, аккумулировавшийся на протяжении многих столетий» [8, p. 17]. В конце III — начале IV в. н. э. был осуществлен перевод с греческого на латинский язык Юлием Валерием [8, p. 17], а затем последовало множество переводов и переделок в разных странах средневекового мира.

Еще И. М. Тронский, говоря о чрезвычайно возросшей в Средние века популярности «псевдоистории Александра», отмечал, что к XVI в. насчитывалось свыше 90 ее обработок на 24 языках, европейских и восточных, с XIII в. она была хорошо известна и в Древней Руси [12, с. 252]. Переводы с соответствующими переделками (вплоть до «рыцарского романа») были сделаны на тогдашние французский, английский, шотландский, немецкий, итальянский и другие западноевропейские языки, на славянские языки и даже арабский, армянский, монгольский, древнееврейский, эфиопский, турецкий, персидский языки [10; 8, p. 17; 9, p. IX]. На Руси популярны были «Александрия хронографическая», переведенная с греческого варианта (из Византии) не позднее середины XIII в., и «Александрия Сербская», переведенная на сербский в XIV в. [13; 14]. В XV в. «Александрия Сербская» была переведена на русский язык, подвергшись существенной переработке [7, с. 12]. В. Ластовский насчитывал пять хорошо сохранившихся списков «Александрии» на старобелорусском языке (на «крыўскай мове»), правда, один из них содержал лишь конец этого сочинения [15, с. 183—184]. А. Бразгунов отмечает, что пять сохранившихся белорусских списков и один отрывок принадлежат как к латинским, так и к сербским редакциям [16, с. 13]. Латинская же редакция появилась в Беларуси в результате перевода с польского средневековой латиноязычной версии «псевдо-Каллисфена», созданной в X в. Львом из Неаполя [7, с. 12]. Эта версия, послужившая основой для многих западноевропейских рыцарских романов об Александре, в ее старобелорусском переводе и анализируется в данной работе.

Пожалуй, наиболее важное при сравнении с сочинениями об Александре Македонском античных историков — это исчезновение в «Александрии» понятий «варвары», «варварский». Точнее, их подмена понятиями «язычники», «языческие», «язычество» («погани», «поганскии», «поганство»). Казалось бы, в таком случае должна была логично следовать попытка «христианизации» главного героя. Однако Александр Македонский предстает человеком, искренне верующим в греческих богов, хотя имена им в тексте даны латинские (Епитор, Енона, Минерва, Марс, Бахус, Меркурий и др. [4, с. 69, 91—92]). Более того, он выступает сыном бога египетского Амона не только по версии своего чудесного зачатия, но и, завоевав Персидскую державу, официально именует себя уже не «сыном Филиппа и царицы Олимпиады», а «сыном бога Амона и царицы Олимпиады» [4, с. 50, 73]. Александр безоговорочно верит пророчеству египетского же бога Сераписа (представления о котором, правда, при его жизни не существовало) о своей будущей смерти от отравы [4, с. 44]. В общем, в «Александрии» религи-

озные верования и чувства ее главного героя отнюдь не выходят за рамки сведений из достоверных античных источников — Александр стремится демонстрировать почитание богов любых народов, используя это в своих дипломатических целях. При этом в «Александрии» он в письме к царю язычников-персов еще и разъясняет различие между бессмертными богами и смертными людьми, отнеся себя к последним [4, с. 50]. Из общего контекста не выделяется и посещение Александром Македонским храма в Иерусалиме — принесение там жертв иудейскому богу. Только освобождение им иудеев от податей каждый седьмой год преподносится как результат удовлетворения завоевателя пророчеством их книги пророка Даниила о том, что Персию уничтожит один из греков [4, с. 47—48]. Собственно говоря, упоминание книги пророка Даниила да еще и «повести Езекеиля-пророка» с цитатой о «царях» Гоге и Магоге в конце света (в «Александрии» утверждается, что Александр запер их между горами вместе с другими 22 «царями» [4, с. 106]) и предстает единичной попыткой как-то связать образ македонского завоевателя с христианским контекстом, точнее — библейским. Впрочем, относительно Гоги и Магоги контекст предстает гораздо шире, ибо они известны и в Коране как Йаджудж и Маджудж (и также в конце света обрушатся на мир правоверных). До конца света от них защищает железная стена, а охраняет ее Зу-ль-Карнайн («Двурогий»). По мнению многих исследователей, которое разделяет и М. Б. Петровский, это арабское прозвище Александра Македонского, а в Коран это предание попало из сирийских христианских легенд, и восходит оно как раз к древнейшему прототипу «Александрии» [17, с. 147—149].

Но коль Александр не изображен христианином, а язычником, то почему в старобелорусском варианте текста он неоднократно противопоставляется враждебным язычникам? С точки зрения религиозной идентичности такая враждебность совершенно непонятна. Например, выступая после смерти Филиппа перед македонянами, фракийцами, фессалоникийцами и греками, юный македонский царь призывает их избавиться от страха перед язычниками и обещает их присоединить к своей державе, где властвовать будут не язычники, а греки («не погани, але грекове во хвале звитежства будут залецани» [4, с. 41]). Резкое противопоставление грекам и македонянам язычников-персов изображается в эпизоде допроса Александром персидского воина, захваченного в плен после того, как тот ранил царя, переодевшись в македонские доспехи. Воин заявляет: «Не мнимай, великий цесару, мене быт макидона, але з люду окрутного поганского» [4, с. 60—61]. В числе «поганских» в Александрии называют персов, Киликию («поганская краина»), жителей Индии [4, с. 34, 57, 76]. Причем в письме к индийскому царю Пору выпад Александра против язычников особенно резок: «...ибо вси погани мают товариство з немыми зверяты, котории в моцност и оборонность лесную уфают». В речах Александра нетрудно заметить общее противопоставление греков и македонян «языческому миру», в который, однако, не включены римляне и египтяне (последние, очевидно, в силу необычного происхождения Александра Македонского). Явно напрашивается предположение, что «языческие» термины были вставлены вместо терминов, обозначающих варваров.

Ведь именно под лозунгом покорения варваров и разворачивался греко-македонский поход на Персию, во главе которого вначале всегреческим Коринфским конгрессом был поставлен царь Македонии Филипп, а затем завершил подготовку к нему и блестяще осуществил его сын Александр. После победы над огромной Персией греческие полисы развязали войны между собой. Ощутив свое единство в сотнях маленьких государств (полисов) не только по языку, а, прежде всего, по своим жизненным ценностям, образу жизни, отношениям и связям между людьми в обществе, государственному устройству, греки осознали, что многочисленным подданным персидских царей неведомо их понятие «элеутерия» (свобода), которую греки перед битвами клялись ценить дороже жизни, что персидские подданные ведут себя перед царем и чиновниками так, как ведут себя у них только рабы перед своими хозяевами. Воочию они убедились, что их общество, где каждый мужчина, помимо своих повседневных трудов, является еще и воином (и нет никакой другой вооруженной силы,

кроме самих граждан), способно противостоять рекрутским или наемным армиям огромных деспотических держав. Но осознание эллинского единства не привело к единению Греции, напротив, крупнейшие полисы Афины и Спарта, вынесшие главную тяжесть войн с персами, начали борьбу за гегемонию в Греции. Пелопонесская война между ними (точнее, между возглавлявшимися ими союзами полисов) стала лишь прологом к длительной полосе междоусобных войн между греками, в которых против очередных победителей тотчас складывалась новая враждебная коалиция, и конца бедствиям греков было не видно. Подрывались сами устои греческого общества — полис.

В этих условиях греческие мыслители выработали доктрину панэллинизма, предполагавшую установление мира среди греков, объединение всех полисов в единый союз и общий поход против «варваров» Персии, который должен был принести богатства, землю безземельным, новых рабов [5, с. 204]. Основу этой доктрины составляла идея исконной враждебности эллинов и варваров. Враждебность же вытекала из очевидной противоположности самих основ отношений между людьми в полисах и восточных монархиях.

В древневосточных цивилизациях отношения между людьми строились по модели: господство — подчинение. Типичным государством Востока была деспотия (от древнегреческого despotes — господин, хозяин). В таком государстве действительно существовали власть, «отделенная от массы народа», и «социальный аппарат принуждения». Законом здесь была воля монарха, даже своды права обычно составлялись от его имени. Тот же деспот был высшей судебной инстанцией, любой подданный (независимо от его ранга в обществе) мог стать жертвой произвола властителя. Персона самодержца была вознесена на недостижимую высоту над его подданными, окружалась, как правило, священным ореолом. Деспот управлял государством, опираясь на разветвленный бюрократический аппарат из многочисленных чиновников, полностью подконтрольных ему. Военной опорой правителя была постоянная армия, находившаяся на его содержании и выполнявшая его приказы.

Отношения господства — подчинения в древневосточных цивилизациях формировали у подданных монархов такие качества, как лесть, унижение и раболепие перед носителем власти, стремление выслужиться перед ним, ибо от этого зависело материальное благополучие. Собственно последнее и составляло единственно возможный простор для инициативы индивидуума. Чиновникам было присуще презрительное и властное отношение к тем, кто занимал в обществе более низкое место. Но он мгновенно изменял свое поведение перед сановником более высокого ранга — чванливость и изображение собственной значимости тотчас уступали место подобострастию, лести, желанию услужить. Греки же, например, с презрением относились к восточному обычаю падать на колени или ниц перед носителем власти, целовать его ноги или край одежды.

Свободолюбивые греки полагали, что подобные обычаи, поведение и качества характера подданных восточных монархов были присущи рабам и недостойны свободного человека. Поэтому к «варварам» эллины относили не только окружавшие их отсталые племена, но и восточных деспотов и их многочисленных подданных [18, с. 81—83]. Именно для таких «варваров» был уместен вопрос: «Кто правит в государстве?» Греков же со времен Аристотеля интересовало иное: «Правит ли в государстве закон и одинаков ли он для всех граждан?» [19, с. 61].

Термином «полис» греки обозначали свой город, государство, совокупность полисных граждан. Гражданами полиса могли быть только достигшие совершеннолетия мужчины, являвшиеся потомками граждан этого полиса. Женщины, переселенцы из других полисов, рабы не включались в число полисных граждан. Политическое устройство полиса можно охарактеризовать как демократию, т. е. власть демоса (народа), причем это было прямое народоправство. Именно в античном полисе возникли понятия «гражданин», «гражданские права». При этом, как совершенно верно отмечает российский антиковед Л. П. Маринович, понятие «права человека» в нашем современном понимании к полису «неприложимо». Оно

«ограничивалось и подменялось понятием «права гражданина», ибо, «не говоря уже о рабах, закон в недостаточной мере защищал права свободных неграждан» [20, с. 50]. Каждый полноправный житель полиса имел право лично участвовать в принятии законов, т. е. в законодательной деятельности. Он имел также право избирать представителей исполнительной и судебной власти и быть избранным на эти должности. Признать виновным гражданина полиса можно было только по решению суда, а не по чьей-то прихоти. Только гражданин полиса имел право на земельную собственность на территории своей общины. И только граждане имели право с оружием в руках отстаивать интересы родного полиса — армия, таким образом, представляла собой ополчение граждан. Таких прав не имели подданные восточных монархов. Высшим законодательным органом любого полиса было народное собрание, где решения принимались простым большинством голосов. Там же решались и наиболее важные вопросы управления полисным государством, объявления войны, заключения мира. Текущими же делами управления полисом занимались магистраты — избиравшиеся на народном собрании представители исполнительной власти. Для ординарной магистратуры обязательными были коллегиальность (на одну и ту же должность избиралось не менее двух человек, а то и 10, как стратегов в Афинах), краткосрочность (обычно на срок не более года), подотчетность народному собранию (в Афинах, например, магистраты отчитывались не менее 10 раз, а народное собрание могло признать их отчеты неудовлетворительными и сместить с должности до окончания срока магистратуры), отсутствие оплаты исполнения магистратских обязанностей. Никакого постоянного аппарата чиновников, без которого невозможно существование любой монархии, в полисе не было. Не существовало здесь и такого явления, как служебный карьеризм ради личного обогащения. Но стремление к занятию магистратур у граждан полиса существовало — это было ярким проявлением духа агоны (соревновательности) в благородном деле бескорыстного служения всему коллективу граждан. Судебные функции в полисе осуществлялись как народным собранием (по наиболее важным делам), так и магистратами и специальными органами (например, афинской гелиэей, состоявшей из несколько тысяч избранных по жребию граждан). Судьи судили по законам, принятым самими гражданами на народных собраниях. В полисах не было налогов на граждан, этого главного источника существования любой деспотии. Налоги были, как правило, только чрезвычайными — в случае войны, иных бедствий.

У граждан полиса сложилась своя система ценностей, принципиально отличная от таковой у подданных восточных монархов. К числу высших полисных ценностей относились свобода индивидуума (утрата ее являлась самым тяжелым несчастьем), равенство всех граждан перед законом и в правах, патриотизм, коллективизм и солидарность граждан. Отсюда и то высокое чувство солидарности граждан полиса, интересы которого они ставили выше личных или узкосемейных. Это не была безликая масса подданных.

В полисах было ликвидировано долговое рабство для граждан и членов их семей. Рабом мог быть только иноземец, человек, говоривший на непонятном языке («бар-бар»). Рабы находились вне коллектива граждан. «Говорящие орудия труда» — это отнюдь не просто красивая крылатая фраза, а жестокая реалия того времени, в котором мускульная энергия человека заменяла многие из обыденных для нас источников энергии, механизмов и т. д.

Гражданин полиса не заискивал, не льстил, не лгал и не унижался перед избранным им представителем исполнительной власти. Ведь через короткий промежуток времени они могли поменяться местами. Обращение со словом «господин» гражданина к гражданину считалось оскорблением. Так, по мнению греков и римлян, могли вести себя только рабы по отношению к своему хозяину, равно как и заискивать, льстить и унижаться. В их глазах такими же позорными качествами обладали и подданные древневосточных деспотов.

Многие греческие мыслители выступали с идеями панэллинизма, но, пожалуй, наиболее четко его докрину сформулировал афинянин Исократ (варвары трусливы, неспособны к

управлению, предрасположены к рабству, то, что для варвара — похвала, для эллина — позор, но варвары богаче эллинов, следует отомстить варварам за их разорение Греции во времена еще греко-персидских войн, забрать себе их богатства и т. п.), а учитель юного Александра Македонского Аристотель в своей «Политике» высказался предельно четко: «Раб и варвар по природе своей понятия тождественные» [21, с. 157—162]. В решениях всегреческого Коринфского конгресса 338 г. до н. э. идеи панэллинизма были реализованы. Поход на Персию должен был возглавить гегемон всегреческого союза — македонский царь.

Если просто заменить в старобелорусском тексте (и, соответственно, в польском тексте как его основы) термин «язычники» на «варвары», то тогда многое в содержании обретает свой исконный смысл. И тогда Александр (язычник) призывает греков (язычников) к походу против персов не язычников, а варваров. Оскорбительная характеристика Александром индийцев будет относиться не к их языческим верованиям (которые, кстати, в «Александрии» он ценит высоко), а к их варварству. Правоту такой гипотезы подтверждает сравнительный анализ источников. Реконструкция трех древнейших манускриптов «псевдо-Каллисфена» проведена К. Мюллером, и если сравнить доступный (к сожалению, фрагментарный) текст версии B с рассматриваемым переводом, то буквально в самом начале мы встречаемся не с «язычниками», а с «варварами». Причем там появляются греки (а не одни египтяне), а среди «варваров» называются совершенно отсутствующие в старобелорусском переводе бастарны, индийцы, иберы, καύκωνες и ряд других народов [22]. Степень сохранности парижских манускриптов не позволяет провести сравнительный анализ полностью, но интересные результаты дает и сравнение старобелорусской «Александрии» со староанглийским переводом, сделанным в середине XV в. на нортумбрский диалект [23]. К тому же имеются три версии этого перевода и в основе их тот же перевод на латынь X в. архипресвитера Льва. Во всех совпадающих местах (а их подавляющее большинство) вместо «языческих» терминов в староанглийском переводе содержится barbare, barbedon, barberos, barbaryne, berbrens и т. п. И нигде нет термина «язычники».

Очевидно, «псевдо-Каллисфен», живший либо в эпоху эллинизма, либо во времена Римской империи, несмотря на полнейшее искажение исторических фактов и погоню за занимательными небылицами, все же сохранил основу общей концепции исторических сочинений об Александре, которыми пользовался, — идею панэллинизма, завоевание великим полководцем, возглавившим греков, варварской Персии. Эта концепция сохранялась и в Средневековье, в частности Львом Архидьяконом. Содержится она и в староанглийском переводе XV в. А вот в фактически современных последнему польском и старобелорусском переводах (с того же Льва) ее уже нет. И это было вполне объяснимо. Если в начале эпохи эллинизма завоеватели-греки еще ощущали прежнее свое отличие от варваров в духе панэллинизма, похожее осознание существовало и у римлян в начале периода принципата в Римской империи, то постепенно различия между гражданами полисов, римской цивитас и варварами подданных монархов Востока стирались. Права граждан лично избирать представителей государственной власти, принимать законы и решения по важным государственным делам перешли в руки монархов и огромного штата чиновников, которые никем не избирались, а назначались. На смену отношениям граждан, равных между собой в правах и перед законом, пришли отношения господства — подчинения. Эти отношения доминировали и в средневековом феодальном обществе, их основу составляли личная и поземельная зависимость человека. Рыцарство, шляхта и не представляли других отношений в обществе, им невозможно было понять суть античного понятия «варвары». Скорее, можно удивляться, что прежняя терминология так долго сохранялась в староанглийском переводе благодаря тексту жившего за полтысячелетия до того южноитальянского священнослужителя Льва.

Средневекового читателя с его христианскими, сословными стереотипами интересовало уже иное. И немало сюжетов средневековые переписчики-переводчики «адаптировали» к

пониманию своих читателей, что-то отбрасывали, что-то добавляли. Так, старобелорусский перевод пестрит терминами «рыцари», «князья», встречаются и «гетманы». Причем рыцарей можно потребовать в свое войско от какого-либо правителя. В староанглийском переводе — свой колорит: не только рыцари, а и бароны, эрлы, герцоги. Изменников со стороны врага Александр неизменно казнит, несмотря на заслуги (нарушение вассальной присяги рыцарем недопустимо, он обязан служить своему сеньору, с которым связан оммажем).

Показательна для средневекового менталитета переделка сцены ссоры юного Александра с его отцом Филиппом на свадьбе того с Клеопатрой, когда отношения Филиппа и Олимпиады разладились. Плутарх описал эту сцену так: «Однако неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве; это порождало многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугублялись тяжестью нрава ревнивой и скорой на гнев Олимпиады, постоянно восстанавливавшей Александра против отца. Самая сильная ссора между ними произошла по вине Аттала на свадьбе Клеопатры, молодой девушки, с которой Филипп вступал в брак, влюбившись в нее несмотря на свой возраст. Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешенный этим Александр вскричал: "Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?" — и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но, по счастью для обоих, гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: "Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу". После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии» (Плутарх. Александр, 9).

В старобелорусской же «Александрии» смысловые акценты иные. Во время отсутствия по боевым делам Александра Филипп «уже был выгнал Алимпиядуа прилучил собе некоторого человека дочку именем Клеопатру». Войдя на свадьбу отца с простолюдинкой, Александр сразу же пригрозил ему выдать мать за другого царя и не позвать на новую свадьбу отца. В ответ некто Лисий объявил Филиппу, что Клеопатра родит ему сына, который и станет наследником Македонского царства. Александр тут же убил Лисия. Филипп рванулся к сыну, но тут же упал «якобы громом поражоный». И всякий раз, пытаясь встать, снова падал. А «Александер потом всехъ седячихъ з столы выгнал. Оная теж Клеопатра соромотне с полаты выбегла, а царь Филипъ захворал». Затем, навестив беспомощного больного отца, Александр заставил его снова принять отвергнутую Олимпиаду [4, с. 41—42]. Связь феодала с простолюдинкой в Средневековье была обычным делом, но брак с ней нарушал сословные нормы. Отсюда и изображение такого бешенства Александра. И он не уходит со свадьбы (как у Плутарха), а убивает языкастого обидчика, какими-то чарами превращает в больного человека отца, нарушившего сословные нормы брака, и принуждает того раскаяться и снова взять в жены царицу Олимпиаду, мать Александра, тем самым выступая безусловным наследником престола. В данной публикации рассмотрены лишь некоторые сюжеты из белорусской «Александрии». На деле же ее текст дает их целую россыпь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Францыск Скарына і яго час / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1988. 607 с.

2. *Рэвяка, К.* Старажытная Грэцыя і Беларусь / К. Рэвяка, В. Фядосік // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. №1. С. 8—15.

3. *Фядосік, В. А.* Сярэдневяковыя рэаліі ў старабеларускім перакладзе «Трої» / В. А. Фядосік // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 3. Мінск, 2008. С. 139—145.

4. Александрея. Похождение царя Александра Македонского // Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан. Перакладная белетрыстыка Беларусі XV—XVII стст. Мінск : Беларуская навука, 2009. С. 33—112.

5. *Фролов, Э. Д.* Панэллинизм в политике IV в. до н. э. / Э. Д. Фролов // Античная Греция / редкол.: Е. С. Голубцова [и др.]. Т. 2. М. : Наука, 1983. С. 157—207.

6. *Шахермайр, Ф.* Александр Македонский / Ф. Шахермайр. М. : Наука, 1984. 384 с.

7. *Лебядзевіч, Дз.* «Александрыя» у замежнай беларускай літаратуры / Дз. Лебядзевіч // Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле культуры і сучаснасці. Гродна, 2003. С. 10—14.

8. *Archibald, E.* Ancient Romance / E. Archibald // A Companion to Romance. Oxford, 2004. P. 10—25.

9. *Kazis, I. J.* The Book of the Gests of Alexander of Macedon / I. J. Kazis. Cambridge, 1952. X, 226 p.

10. Alexander the Great – the Romance of Alexander [Electronic resource]. 2011. Mode of access: http://gluedideas.com/Encyclopedia-Britannica-Volume-01-A-Anno/Alexander-I-Aleksander-Pavlovich-to-Alicante.html

11. *Nawotka, K.* Plutarch i jego dzielo / K. Nawotka // Plutarch. O szcz ściu czy dzielności Aleksandra. Wrocław, 2003. S. 9—38.

12. *Тронский, И. М.* История античной литературы / И. М. Тронский. М. : Высшая школа, 1983. 464 с.

13. *Ванеева, Е. И.* Александрия Сербская / Е. И. Ванеева // [Электрон. ресурс]. 2011. Режим доступа : http://www.oim.ru// http://krotov.info/spravki/help/alfabet/01_a_tem.html.

14. *Творогов, О. В.* Александрия хронографическая / О. В. Творогов // [Электрон. ресурс]. 2011. Режим доступа: http://www.oim.ru// http://krotov.info/spravki/help/alfabet/01_a_tem.html.

15. *Ластоўскі, В.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі / В. Ластоўскі. Коўна : друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926. 776 с.

16. *Бразгуноў, А.* Ізмарагды ў кароне нашага пісьменства / А. Бразгуноў // Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан. Перакладная белетрыстыка Беларусі XV—XVII стст. Мінск, 2009. С. 9—29.

17. *Пиотровский, М. Б.* Коранические сказания / М. Б. Пиотровский. М. : Наука, 1991. 219 с.

18. *Фролов, Э. Д.* Развитие противоположности эллинов и варваров в архаическую эпоху / Э. Д. Фролов // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. М., 1987. С. 81—83.

19. *Ханкевич, О. И.* Древние цивилизации / О. И. Ханкевич. Минск : БГУ, 2000. 130 с.

20. *Маринович, Л. П.* Античная и современная демократия. Новые подходы / Л. П. Маринович. М.: МГУ, 2001. 236 с.

21. *Исаева, В. И.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ / В. И. Исаева. М. : Наука, 1994. 255 с.

22. Ἱστοριογράφος ὁ τὰ περὶ τῶν Ἑλλήνων συγγραψάμενος. οὗτος ἱστορεῖ Ἀλεξάνδρου πράξεις [Electronic resource]. 2011. Mode of access: http://www.scholiastae.org/scholia/Pseudo-Callisthenes/1.2.

23. The wars of Alexander: an alliterative romance translated chiefly from the Historia Alexandri Magni de preliis. London, 1886. [Electronic resource]. 2011. Mode of access: http://www.archive.org/details/warsofalexandera00leoarich.

В статье исследуется восприятие средневековыми людьми популярных античных сочинений о завоеваниях Александра Македонского. Выясняются мотивы и смысл переработки некоторых сюжетов сочинений поздней Античности средневековыми переводчиками. Сравнивается содержание старобелорусского перевода «Александрии» с ее античным прототипом и некоторыми аналогичными средневековыми источниками.

The perception of ancient popular writings about the conquests of Alexander of Macedon by medieval people is examined. The motives and processing meaning of some subjects in late antiquity medieval translators works are investigated. The contents of the Old Belarusian language translation of «Alexandria» with its ancient prototype and some of the same medieval sources is compared.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2011 г.